

УДК 94(470.22) «18»

Виктория Викторовна Ефимова,
кандидат юридических наук, доцент,
Петрозаводский государственный университет
(185011, Россия. г. Петрозаводск, ул. Ломоносова, 65),
e-mail: efimova1870@rambler.ru

Генерал-губернатор С. И. Миницкий и старообрядцы Олонецкой губернии (1825–1830)¹

Исследователи, изучающие историю старообрядчества, карелов или образования в 1-й трети XIX в. в Олонецкой губернии, если и упоминают имя архангельского, вологодского и олонечкого генерал-губернатора С. И. Миницкого, то только в связи с тем, что в 1829 г. он вышел в правительство с предложением о выведении карельского языка как не книжного из употребления. Автор попытался максимально полно выявить причины, побудившие его это сделать. С этой целью была рассмотрена не только проводимая правительством в 1-е пятилетие царствования Николая I этноконфессиональная политика, но и отношения генерал-губернатора с государем и местным чиновничеством. В результате сделаны выводы о том, что: 1) в рассматриваемый период конфессиональная политика ещё только формировалась и поэтому её нельзя характеризовать как сугубо репрессивную в отношении, по крайней мере, старообрядцев Олонецкой губернии; 2) инициатором разработки мер против распространения старообрядчества среди населения Олонецкой губернии выступила отнюдь не местная администрация, возглавляемая генерал-губернатором, а сенатор Д. О. Баранов, проводивший в 1827/28 гг. общую ревизию губернии, но предложенные им меры не носили репрессивный характер; 3) настоящим автором предложения о выведении карельского языка из употребления являлся епископ Игнатий, считавший его «языком раскола»; 4) при реализации мер, предложенных Барановым и Игнатием, генерал-губернатор не забывал преследовать и свою цель – укрепление собственного положения, для чего он добился отрешения от должности губернатора П. А. Лачинова и попытался скомпрометировать директора олонечких горных заводов А. А. Фуллона.

Ключевые слова: этноконфессиональная политика, архангельский генерал-губернатор, губернатор, епископ Игнатий, старообрядцы

Viktoria V. Efimova,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Petrozavodsk State University
(65 Lomonosova St., Petrozavodsk, 186011, Russia),
e-mail: efimova1870@rambler.ru

General-Governor S. I. Minitsky and Old Believers of Olonets Governorate (1825–1830)²

Researchers who study the history of Old Believers, Karelians and education in the first third of the XIXth century mention S. I. Minitsky's name, the General-Governor of Archangelsk Governorate, only in connection with his address to the Russian government in 1829 to put the Karelian language out of use as a non-literary one. The author of the article makes an attempt to find the reasons that induced Minitsky to do so. With this end in view, we examine ethno-confessional policies that Nicolas I and his government enforced during the first five years of the tsar's rule. The author also studies the relationship of the General-Governor with the Tsar and the local officials. We come to the following conclusion: first, in the period under review, ethno-confessional policies were being formed and could not be characterized as policies of repression against Old Believers of Olonets Governorate. Second, those were not local authorities, headed by the General-Governor, that initiated the measures against the spread of Old Belief, but senator D. O. Baranov who inspected the governorate in 1827–1828. However, actions proposed by D. O. Baranov could not be regarded as repressive ones. Third, it was bishop Ignatij's idea to put the Karelian language out of use as a non-literary one since he considered it as "the language of schism". Finally, while having put into action the measures proposed by senator D. O. Baranov and bishop Ignatij, S. I. Minitsky had in view to enhance his own status. To do this he made Governor P. A. Lachinov discharged and tried to compromise A. A. Fullon, Olonets mining and metallurgy factories director.

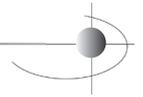
Keywords: ethno-confessional policies, the General-Governor of Archangelsk Governorate, Governor, bishop Ignatij, Old Believers

Исследователи, которые выбрали предмет своего изучения историю православия, карелов или образования в Олонецкой губернии в 1-й половине XIX в., как правило,

обращают внимание только на сделанное в 1829 г. генерал-губернатором С. И. Миницким представление правительству о выведении карельского языка как не книжного из употре-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности № 33.1162.2014/К

² The study was supported by the Ministry of Education and Science of Russia in the framework of the project of the state task in the field of scientific activity no. 33.1162.2014 / K

бления, оценивая при этом его негативно [7, с. 288–289; 8, с. 113–114; 11, с. 138; 9, с. 272–277; 6, с. 98–100]. Не оспаривая эту оценку, мы бы хотели восстановить справедливость в вопросе об авторстве данного предложения, а также более полно, нежели это делалось прежде, выяснить причины, побудившие генерал-губернатора поддержать его. Для этого, полагаем, необходимо теснее увязать историю принятия этого предложения, во-первых, с религиозной и национальной политикой, которая проводилась Николаем I в 1-е пятилетие его царствования, и, во-вторых, с взаимоотношениями, которые сложились у него с царём, а также местной гражданской и горной администрацией. Статья написана на основе архивных документов, часть которых впервые вводятся в научный оборот.

Для начала попытаемся очень кратко охарактеризовать религиозный курс Николая I в отношении старообрядцев в 1-е пятилетие его царствования. Полагаем, что здесь следует быть весьма осторожным и не спешить обращать на него традиционную оценку – репрессивная, обычно даваемую всему периоду правления этого императора. Представляется, что в эти годы она только формировалась. Однако её основы были заложены в последнее пятилетие царствования Александра I, когда, как отмечает Е. А. Вышленкова, «верховная власть приходит к убеждению о необходимости сохранения государственной церкви как политического института» [1, с. 292–294]. Т. Н. Жуковская считает, что «с 1826 и до начала 1830-х гг. в правительственных сферах шёл интенсивный поиск «новых духовных опор» нового царствования и «православие не могло бы занять место этического стержня официальной идеологии, если бы не соответствовало искренней и глубокой вере императора». Оно «поднималось на щит» для обоснования того, «что преданность алтарю и престолу нераздельны в народном сознании» и для освящения новой идеологии [2, с. 88, 92]. В связи с этим раскол станет рассматриваться как отступничество от православия, а значит, выходящее за пределы веротерпимости. Но всё это произойдёт не ранее конца 1830 г., когда законодатель классифицирует «расколы и ереси», разделив их на «особенно вредные» и «соединённые с жестоким изуверством»¹, чтобы различать их при определении наказания. Однако

¹ Подавляющая часть проживавших в Олонецкой губернии раскольников, как об этом свидетельствовали в своих отчётах всю 1-ю треть XIX в. олонецкие губернаторы, составляли беспоповцы, которые относились к 1-й группе.

при этом наказывать предписывалось лишь тех из раскольников, кто в судебном порядке был изобличён в «распространении своей ереси и привлечении к оной других, а также в соблазнах, буйстве и дерзостях против церкви и духовенства православной веры»². В этой связи полагаем, что И. Н. Ружинская несколько поспешила, заявив в своей диссертации, что «первая волна репрессий» против старообрядчества в Олонецкой губернии началась в 1828 г. [10, с. 179]. Считаем, что таковая началась, как и во всей империи, не ранее начала 1830-х гг.

Что же касается национальной политики Николая I в этот же период, то позволим себе сослаться на авторитетное утверждение начальника Статистического отделения МВД К. Ф. Германа³, который в своих «Объяснениях на вопросы г. Арсеньева»⁴, представленных директору Департамента полиции 19 октября 1828 г., так пояснял причину отсутствия такого интереса: «Правительство русское считает народы за детей, живущих по одним законам, но никогда не приказывало делать исчисления по народам и даже старалось по возможности истребить народные различия» [2, с. 6].

При выяснении позиции генерал-губернатора С. И. Минацкого по отношению к старообрядцам важно учитывать и субъективный фактор, а именно: отношение Николая I к генерал-губернатору и генерал-губернатору к губернским чиновникам. При Александре I С. И. Минацкий был под покровительством А. А. Аракчеева, которого, как известно, новый император по его прошению сразу же уволил со всех должностей. К тому же с конца 1825 по 1828 г. в Архангельске расследовалось дело о поставке в архангельские адмиралтейские магазины недоброкачественной муки, к которому оказался прикосновенным

² ПСЗРИ. – Собр. 2 (далее ПСЗ-2). – Т. 5. № 4010. – В таком виде эта классификация войдёт в 1832 г. в XV т. Свода законов Российской империи.

³ Бывший профессор Санкт-Петербургского университета К. Ф. Герман одним из первых в истории русской статистики предпринял в 1819 г. попытку сосчитать количество проживавших в Российской империи народов. Однако, как он сам признавал, представленные им сведения были «ужасно не точные». Известный советский историк В. М. Кабузан отмечал по этому поводу: Герман полагал, что нерусское население составляет примерно 25% всех жителей России, а на самом деле их было не менее 47% [2, с. 6–7].

⁴ Адъюнкт-профессор Санкт-Петербургского университета, издавший в 1818–1819 гг. «Начертания статистики Российского государства», позже, став одним из наставников наследника престола, просил Николая I помочь ему в его дальнейших изысканиях. Сведения по высочайшему повелению стали собираться с 1828 г., в т. ч. через МВД и губернаторов.

и генерал-губернатор Миницкий. Под предлогом расследования Николай I на разрешал ему всё это время приезжать в Санкт-Петербург ни по делам службы, ни в отпуск. Лишь в начале 1829 г. ему было позволено приехать в столицу. Здесь за заслуги в качестве командира Архангельского военного порта контр-адмирал Миницкий был даже произведён в вице-адмиралы. Но царская милость длилась недолго – 18 апреля 1830 г. за «прикосновенность» к делу о лихоимстве чиновников своей канцелярии он был отрешён царём от должности, а 7 апреля 1831 г. окончательно уволен от службы. Таким образом, в первые годы царствования Николая I С. И. Миницкому пришлось добиваться расположения царя к себе, а значит, быть крайне осторожным во всех своих предположениях и поступках. Однако, как только он добился этого, то сразу же попытался укрепить своё положение. В Олонецкой губернии это проявилось в эскалации отношений с гражданским губернатором П. А. Лачиновым и начальником Олонецких горных заводов А. А. Фуллоном. Так как эта эскалация повлияла в конечном итоге на меры по отношению к раскольникам, которые в 1829 г. предложил правительству С. И. Миницкий, ниже кратко изложим их суть.

Конфронтация с П. А. Лачиновым была вызвана несогласием сразу по нескольким «делам». Важнейшими из них были: 1) конфликт с советниками Олонецкого губернского правления по поводу установленного Лачиновым нового порядка рассмотрения дел в Правлении; 2) дело о починке 2 казённых домов в Петрозаводске, по которому Лачинов обвинял личного друга С. И. Миницкого бывшего губернатора Т. Е. Фан-дер-Флита и его окружение в халатности и даже присвоении части денег; 3) дело о переносе губернского центра из Петрозаводска в Вытегру. Противостояние закончилось тем, что генерал-губернатор, будучи в Санкт-Петербурге, добился появления 18 марта 1829 г. высочайшего повеления об отрешении Лачинова от должности.

Отношения же С. И. Миницкого с А. А. Фуллоном и его подчинёнными – чиновниками Петрозаводского заводского правления – испортились во время работы в 1825–1827 гг. Комиссии по приписным крестьянам. Генерал-губернатор, желая подчинить себе горную администрацию, активно поддержал Т. Е. Фан-дер-Флита и своего представителя в Комиссии – советника Олонецкого губернского правления Ф. П. Борисова. Это противостояние в 1828 г. закончилось для

С. И. Миницкого малым успехом: надзор «за общей безопасностью и тишиною» в Петрозаводском уезде, где проживали эти крестьяне, был возложен на земскую полицию, которая подчинялась ему. Однако главная цель достигнута не была – во всех прочих отношениях Петрозаводское заводское правление во главе с А. А. Фуллоном продолжило подчиняться Министерству финансов. Самолюбие С. И. Миницкого конечно же было уязвлено.

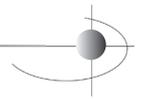
И наконец, для более точного понимания религиозной обстановки в Олонецкой губернии в первые годы правления Николая I упомянем о статистических последствиях религиозных экспериментов Александра I¹. По подсчётам И. Н. Ружинской только за 10 лет (с 1815 по 1825 гг.) число старообрядцев здесь увеличилось на 1/3 и составило 8764 чел., а это означало, что каждый 20-й житель губернии, а в Повенецком уезде каждый 5-й, был старообрядцем. Эти данные совпадают и с официальными данными, опубликованными в 1826 г. МВД [10, с. 15–16, 82–85, 93, 103, 139]. Но, как признавал, например, в 1829 г. олонецкий вице-губернатор Б. И. Пестель, они были весьма заниженными².

По имеющимся в нашем распоряжении документам мы не смогли выявить каких-нибудь примечательных действий генерал-губернатора С. И. Миницкого в отношении старообрядцев в первые 2 года правления Николая I. Да, кажется, их и не могло быть, так как, полагаем, что основное внимание нового императора во внутренней политике в этот период поглощал процесс над декабристами, а также «разбор» найденных в кабинете его старшего брата бумаг в специально созданном для этого 6 декабря 1826 г. секретном Комитете. Поэтому в религиозной сфере велась весьма «вялая» законодательная деятельность, сводившаяся в основном к подтверждению прежних узаконений³. Новеллами следует признать лишь два узаконения. Это, во-первых, именной указ министру внутренних дел от 3 июля 1826 г., предписывавший все сведения о числе существующих в государстве сект и расколов отныне собирать в III Отделении С. Е. И. В. канцелярии, что ясно дало понять чиновничеству, какое значе-

¹ Здесь мы имеем в виду увлечённость царя с 1812 г. идеей создания общехристианского «евангелистского» государства, где существует «приоритет единых христианских ценностей перед конфессиональными, общегосударственных перед национальными» (см. подробнее: [1, с. 133–145, 284–292]).

² НАРК (Нац. архив Респ. Карелия). – Ф. 2. – Оп. 47 – Д. 2/1. – Л. 18.

³ См., напр.: ПСЗ-2. – Т. 1. № 584; Т. 2. № 1257; НАРК. – Ф. 2. – Оп. 47. – Д. 2/1. – Л. 4–13.

ние царь начинает придавать этому делу. И, во-вторых, высочайшее повеление от 24 мая 1827 г., запрещавшее раскольничьим попам переходить даже внутри одной губернии из уезда в уезд. При нарушении этого запрета местным властям предписывалось поступать с ними как с бродягами¹. Как считал известный старообрядческий писатель Ф. Е. Мельников, эта мера очень скоро негативно сказалась на количестве и качестве руководителей старообрядческой церкви [4, с. 168].

Главным же виновником обращения более пристального внимания к старообрядцам Олонецкой губернии следует признать отнюдь не губернскую администрацию во главе с генерал-губернатором С. И. Миницким, а сенатора Д. О. Баранова, который в 1827–1828 гг. проводил общую ревизию губернии. В результате в своём рапорте на высочайшее имя он назвал следующие причины распространения раскола: 1) незнание жителями, «наипаче в Повенецком уезде, находящимся посреди Карелии», русского языка, отчего они остаются равнодушными к «пастырским поучениям священников, тогда как раскольники чрез частое с ними обращение по делам торговым, ознакомясь с их языком и обычаями, подчинили их своему влиянию»; 2) зависимость священников от раскольников, которые получают от них денежное содержание за сокрытие раскола; 3) поддержка раскольничьими монастырями крестьян в годы частых неурожаев; 4) поддержка самих монастырей «большими вкладами» богатых лиц. Однако в качестве средств «уврачевания зла сего» сенатор предлагал «одни только способы кротости и христианского назидания», т. к. «всякие другие, будучи противны Вашему сердцу, опровергаются также опытом прошедших времён», когда «строгость и гонение на отказников от церкви нашей, не только не обращает заблудшие души на путь истины, но производит в них пущее упорство, ожесточение и ненависть к Господствующей вере». Основные меры, предложенные сенатором, должны были состоять в: 1) учреждении отдельной епархии; 2) расширении числа церквей, которые разрешить строить из леса без взимания попенного сбора; 3) назначении священниками в приходы Повенецкого уезда монахов Соловецкого и Палеостровского монастырей, известных «своей кротостью нравов и благочестием», но с содержанием, независимым от прихожан; 4) прекращении Казённой палатой приписки крестьян к старообрядческим монастырям; 5) учреждении

духовного училища в г. Повенце из детей старообрядцев и воспрещение принимать на воспитание в раскольничьи монастыри малолетних детей².

Данный рапорт произвёл на Николая I впечатление, которое собственноручно написал на нём: «Я совершенно согласен на предлагаемые меры сенатором Барановым. Святейшему Синоду избрать епископа, назначив, где иметь пребывание». Исполнительный доклад Синода был утверждён царём 22 мая 1828 г. Епископом новой епархии был избран новгородский викарий Игнатий, а его местопребыванием назначен Петрозаводск³ [5, с. 9].

Официально об этих высочайше утверждённых мерах генерал-губернатор С. И. Миницкий был извещён министром внутренних дел А. А. Закревским в отношении от 22 сентября 1828 г. 29 сентября об этом же поставил в известность губернатора П. А. Лачинова епископ Игнатий. 5 и 21 октября С. И. Миницкий предлагает П. А. Лачинову привести высочайшую волю в исполнение и представить к нему «местные соображения... о мерах обращения тамошних старообрядцев к принятию постановлений христианской церкви». Кроме этого, к последнему своему предложению генерал-губернатор приложил анонимную записку о Выгорецком старообрядческом монастыре, в которой, между прочим, отмечалось, что для «ослабления и уничтожения Выгорецких старообрядческих монастырей должны употребляться самые кроткие и политические меры, ибо гонения не истребляют, а только усиливают раскол. При благоразумных мерах Правительства, из коих главная есть возвышение состояния священнослужителей в нравственном и физическом отношении, сами собою уничтожаются расколы, кои доселе поддерживались и возжигались усердием и связями умных старшин⁴. Нынешний большак их человек весьма ограниченный, не имеющий даже между собратьями своими должного уважения, а потому не в состоянии управлять се огромною машиною и скоро доведет общество до разорения»⁵.

Ответ от губернатора был получен при рапорте от 4 декабря 1828 г. только после по-

² НАРК. – Ф. 25. – Оп. – 15. – Д. 7/153. – Л. 1–13; Ф. 593. – Оп. 3. – Д. 1/ 2. – Л. 154–158.

³ НАРК. – Ф. 593. – Оп. 3. – Д. 1/2. – Л. 1586–163.

⁴ Полагаем, что здесь подразумевался Кирилл Михайлов, в отношении которого в 1824 г. было возбуждено уголовное преследование за его отлучки в Ярославскую губернию для наставления в расколе тамошних жителей (см.: НА РК. – Ф. 1. – Оп. 36. – Д. 23/1).

⁵ НАРК. – Ф. 1. – Оп. 36. – Д. 29/12; Ф. 2. – Оп. 47. – Д. 2/1. – Л. 1.

¹ ПСЗ-2. – Т. 1. – № 449.

вторного напоминания генерал-губернатора. Свою задержку П. А. Лачинов оправдывал тем, что в это время вынужден был сразу исполнять несколько дел: во-первых, заканчивать ежегодный отчёт, в котором, между прочим, говорилось, что существующие в губернии 2 раскола – даниловской и филипповской сект, распространения в текущем году не имели. Старообрядцы «законной власти послушны, подати и прочие повинности оплачивают и исполняют беспрекословно»¹; во-вторых, лично обсчитывать «стоимость» перевода из Петрозаводска в Вытегру губернского города; в-третьих, давал разъяснения присланной из МВД комиссии по делу о ремонте казённых зданий. Затем губернатор рапортовал об отданных распоряжениях губернскому правлению, Казённой палате и повенечкому земскому исправнику, а далее в морализаторском духе рассуждал о мерах «на будущее». Впрочем, большинство из них представляли собой лишь повтор мыслей сенатора. Собственной его инициативой следует признать лишь предложение об учреждении нового тракта из Санкт-Петербурга через Петрозаводск, Повенец, старообрядческие скиты и Онегу в Архангельск. Это, по его мнению, не только бы улучшило путь паломников в Соловецкую обитель, но и сделало жилища старообрядцев «открытыми для света, которого они до сего времени чуждаются столько же, как и Православия»².

Реакция генерал-губернатора на этот проект была крайне негативной. В своей записке государю от 14 марта 1829 г. он писал, что о невозможности постройки такой дороги он ещё в 1824 г. лично представлял Александру I в Вологде. Среди его возражений особо выделим такое: «по Олонецкой губернии старообрядцы живут не только в скитах, но и в городах и даже в Петрозаводске в глазах у г[осподина]. Лачинова, которые тако же, как и в Повенецких скитах чуждаются православия и явно старообрядствуют», поэтому и дорога не поможет³. Напомним, что через 4 дня губернатор был отрешён царём от должности и предан суду.

¹ То же продолжал повторять в своих отчётах за 1-ю пол. 1830-х гг. и сменивший его на губернаторском посту А. И. Яковлев (см., напр.: РГИА (Рос. гос. ист. архив). – Ф. 1286. – Оп. 2. – Д. 799. – Л. 34–35; Ф. 1284. – Оп. 19. – Д. 14. – Л. 18; НА РК. – Ф. 1. – Оп. 38. – Д. 5/21. – Л. 233–234).

² РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 4. – Д. 278. – Л. 150–180; НА РК. – Ф. 1. – Оп. 36. – Д. 29/12. – Л. 12, 19–20; Д. 29/23. – Л. 49–53, 69–76; Оп. 38. – Д. 5/21. – Л. 235–238.

³ РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 2. – Д. 799. – Л. 35–37; Оп. 4. – Д. 278. – Л. 76, 185–186; НА РК. – Ф. 1. – Оп. 38. – Д. 5/21. – Л. 235–238.

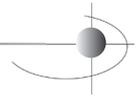
Следующим важным сигналом к началу более активных действий олонечкой губернской администрации в отношении старообрядцев, как мы полагаем, стало циркулярное (по секретной части) предписание министра внутренних дел А. А. Закревского к губернаторам от 15 марта 1829 года. Им предписывалось «принять к руководству» приложенную к циркуляру «выписку» из Высочайше утверждённых с 1820 по 1827 гг. постановлений о раскольниках, а в случае могущих возникнуть у них сомнений в применении этих узаконений представлять об этом прямо в МВД, «не передавая сих дел в Губернское правление». Таким образом, министр не просто подчёркивал, но ужесточал режим секретности при рассмотрении дел о раскольниках. С. И. Минацкий, по-видимому узнавший о готовящемся циркуляре раньше, чем он был разослан, уже в предложении от 28 февраля приказал губернатору Лачинову «доводить и до моего сведения о всех таких случаях», а также «всякой раз немедля нима-ло, извещать меня секретно о всём том, что касается до раскола и определяемых Вами мерах и распоряжениях по сей части»⁴.

Не бездействовал после своего прибытия 7 августа 1828 г. в Петрозаводск и епископ Игнатий, который начал знакомство с епархией с её обозрения. Именно тогда он в первый раз посетил и старообрядческие монастыри на Выге. О такой активной деятельности Игнатия в своём рапорте к С. И. Минацкому от 4 декабря 1828 г. не преминул заметить и губернатор, написав, что «о доблестях» нового епископа «молва в самое короткое время распространилась по всей губернии», что его деятельность «есть пример для всего духовенства», и это принудит старообрядцев «слушать божье поучение под кровом Православной церкви»⁵.

Пологаем, что именно после поездки на Выгу, у епископа Игнатия и возник план, который он предположил обсудить с генерал-губернатором. Случай не заставил ждать – С. И. Минацкий, несмотря на то, что спешил из Петербурга в Архангельск к открытию навигации, вынужден был 3 апреля заехать в Петрозаводск, чтобы выполнить поручение министра внутренних дел лично разобраться на месте с беспорядками, которые случились в Олонецком губернском правлении во время губернаторства П. А. Лачинова, и донести об этом ему и Сенату, где собирались материалы для суда над губернатором. И хотя в

⁴ НАРК. – Ф. 2. – Оп. 47. – Д. 2/1. – Л. 14.

⁵ НАРК. – Ф. 1. – Оп. 36. – Д. 29/12. – Л. 19.

городе генерал-губернатор пробыл не более 4 дней¹, но именно в эти дни он успел переговорить о проблемах раскола не только с епископом, но и, как минимум, с временно замещавшим губернатора вице-губернатором Б. И. Пестелем, о секретном поручении которому генерал-губернатор счёл необходимым упомянуть в своём пресловутом представлении 1829 г. министру внутренних дел.

О том, что встреча с генерал-губернатором состоялась, свидетельствовал и сам епископ. Так, в рапорте Синоду от 31 мая 1836 г.² он дважды пишет об этом в следующих выражениях: «было словесное совещание с бывшим генерал-губернатором о выведении из употребления карельского языка», впоследствии чего было «сделано от генерал-губернатора представление министру внутренних дел»; «при первом обозрении Повенецкого уезда в 1828 г. изъяснялся о сём словесно, а потом и в поданной записке с бывшим генерал-губернатором здешним на его о том приглашении»³. К сожалению, эта записка до сих пор никем из исследователей не найдена, но, по-видимому, именно её текст Игнатий частично воспроизвёл в своём рапорте от 31 мая 1836 г. К сожалению, рамки данной статьи не позволяют привести полностью аргументацию епископа, но несомненно то, что она была составлена мастером риторики, убедившим генерал-губернатора С. И. Миницкого войти со своим предложением в правительство. Желаящих подробно ознакомиться с её содержанием отсылаем к работе А. М. Пашкова [6, с. 101–109]. Здесь же в качестве примера приведём только один из аргументов епископа: при оставлении карельского языка карелы «оставались бы навсегда не склонными к Церкви и Святым книгам», а также отчуждёнными «от общего отечества даже в Гражданском отношении; а язык общий сделал бы их всех доступными общенародному образованию, коего здешний край по природным способностям карелов и близости к столице весьма достоин». Цель всех приведённых епископом аргументов была одна – доказать, что карельский язык, как «особенный язык раскола» и «не имевший ни прежней ни нынешней письменности», может

и должен быть выведен из употребления карелов.

Первым последствием состоявшегося между генерал-губернатором и епископом разговора, по-видимому, следует признать сделанное 14 мая 1829 г. Игнатием в Синод донесение о необходимости открытия в Петрозаводске духовной семинарии, имеющей в своём составе особый класс по изучению карельского языка. На первый взгляд эта инициатива может показаться весьма неожиданной в контексте только что сказанного, но вот как объяснял её епископ: класс этот нужен «не столько для разговора, сколько для навыка» тем будущим священнослужителям, которые будут «неумеющим по Руски жителям здешней Епархии, коих очень много, изъяснять истины до веры и нравов касающиеся... Хотя язык Корельский не имеет книжного бытия, по многим отношениям весьма ненадобный, должен по некотором времени выведен из употребления, как о сём уже и входил я в совещание с Гражданским Правительством, к чему и со стороны сего Правительства сходятся убедительные причины; но пока меры к сему будут иметь своё действие, для первоначального привлечения их самих в действие, необходимо духовным знать язык Корельский с тем, чтобы со временем никто из прихожан не знал его»⁴.

Теперь посмотрим, что же написал в своём представлении к министру внутренних дел в 1829 г. С. И. Миницкий. Но прежде сделаем важную оговорку – мы до сих пор не смогли найти оригинал этого представления, а также произвести его точную датировку⁵. Мы можем только предположить, что это представление не могло быть подано ранее 3–6 апреля и позже 17 июля, т. к. последним числом уже датируется приказание, поступившее из Департамента горных и соляных дел на имя начальника Олонецких горных заводов А. А. Фуллона, в котором оно, собственно, наиболее полно и пересказывалось. Начиналось оно так: «Архангельский, Вологодский и Олонецкий генерал-губернатор вице-адмирал Миницкий в отношении своём министру внутренних дел, между прочим, объясняет: 1) что Олонецкий Преосвященный, бывши в Выгорецких старообрядческих монастырях, заметил, что в окружности оных крестьяне ведомства Казён-

¹ Об этом он пишет в письме к А. А. Аракчееву от 13 апр. 1829 г. (см.: Отдел Рукописей Рос. Нац. б-ки. – Ф. 29. – Т. 33. – Л. 489–490).

² Этот рапорт был ответом на указ Синода от 30 апр. 1836 г. о предоставлении ему сведений, необходимых к принятию мер «об утверждении карелов в православии и ослаблении на них раскольников Поморской секты» (см.: НА РК. – Ф. 25. – Оп. 20. – Д. 78/906. – Л. 1–2, 40об. – 52).

³ НАРК. – Ф. 25. – Оп. 20. – Д. 78/906. – Л. 40, 44об.

⁴ НАРК. – Ф. 25. – Оп. 20. – Д. 78/906. – Л. 18, 39; Оп. 15. – Д. 21/470. – Л. 5–8. Этот доклад 27 июля 1829 г. был утверждён Комиссией духовных училищ при Синоде, и 27 октября 1829 г. духовная семинария с классом карельского языка была открыта в Петрозаводске.

⁵ Датировка, произведённая И. А. Черняковой, не совсем верна [11, с. 97].

ной палаты по местному положению своему весьма бедны и требуют особого попечения об них начальства, и что посему он – генерал-губернатор – предложил вице-губернатору узнать подробно о промыслах и хлебопашестве окрестным к этим старообрядческим скитам селений Повенецкого уезда и какие бы можно было предпринять меры к улучшению их состояния так, чтобы они не зависели от пособия старообрядцев, которые в скудости им делают вспомошествование и тем их к себе привязывают»¹; 2) что, «проехав через Олонецкую губернию, заметил <он ?>, что жители около г. Петрозаводска «мало знают по-русски и по последней к городу станции из Санкт-Петербурга мужчины и женщины говорят по-карельски, не умея или с нуждою могут объясняться по-русски. На сие доньне не обращали внимания, хоть в судах и следствиях для самих поселян бывает затруднительно, а для следователей остановка и трудность открывать истину». Поэтому надо бы «вменить в обязанность Олонецкому губернскому начальству, наипаче управлению Олонецких горных заводов, в ведомстве коего состоят казённые крестьяне целого Петрозаводского уезда, стараться о распространении русского языка, и чтобы карельский, как не книжный и ни к чему не нужной, мало по малу ослаблялся, и, по его мнению, можно бы воспретить волостным начальствам в каждом селении говорить без нужды по-карельски, ибо во всякой вотчине есть хотя один знающий русский язык, которые обыкновенно и занимают упоминаемые мирские должности, и дабы точно сие исполнилось, то велеть бы доносить, сколько в каждом селении выучилось по-русски мужчин и женщин; земским же и другим губернским чиновникам в проездах своих замечать, есть ли успех в сем деле, и внушать бы о пользе того сельским поселянам и поощрять в познании русского наречия»².

Таким образом, если сличить соответствующие фрагменты из предложения от 14 мая 1829 г. и записки от 31 мая 1836 г. епископа Игнатия и представления генерал-губернатора, то становится совершенно очевидным, что С. И. Минацкий просто заимствовал у епископа фразу о не книжности и не нужности карельского языка. А это значит, что

¹ Эта часть представления одинаково изложена в двух используемых нами для его цитирования делах (см.: НА РК. – Ф. 37. – Оп. 5. – Д. 198/1878. – Л. 1; НА РК. – Ф. 25. – Оп. 20. – Д. 78/906. – Л. 3).

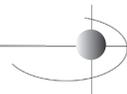
² Эта часть в более подробном изложении взята нами из: НА РК. – Ф. 37. – Оп. 5. – Д. 190/1878. – Л. 4. – Заметим, что в изложении А. М. Пашкова получается, что это не Минацкий, а Департамент предлагал Фуллону «стараться» об ослаблении карельского языка, «как не книжного и ни к чему не нужного» [7, с. 98–99].

автором идеи выведения карельского языка из употребления следует всё же считать не генерал-губернатора Минацкого, а епископа Игнатия. С другой стороны, в этом представлении весьма много было добавлено и самим генерал-губернатором. Мы видим, как в его второй части он тонко перетолковывает сообщённую епископом информацию не в пользу А. А. Фуллона. За этим словесным маневром безусловно кроется затаённое генерал-губернатором неудовлетворение итогами решения «дела о приписных крестьянах».

Но вернёмся вновь к отношению Департамента горных и соляных дел от 17 июля 1829 г. В его заключении А. А. Фуллому было передано приказание министра финансов Е. Ф. Канкрин, чтобы он и его подчинённые «старались», чтобы подведомственные им крестьяне «научились русскому языку и исправили своё домоводство». 30 июля Фуллон отдал приказание Петрозаводскому заводскому правлению донести ему, «в каких именно селениях Петрозаводского уезда приписные к олонецким заводам крестьяне не знают русского языка и какие можно употребить средства к научению их оному, а также исправляют ли они как надлежит своё домоводство». Уверены, что представление генерал-губернатора вызвало неудовольствие министра финансов, т. к. в переданном министру внутренних дел отзыве он предложил «то же сделать и Олонецкому гражданскому начальству, что он предписал» А. А. Фуллому. Министр внутренних дел А. А. Закревский, передавая отзыв Е. Ф. Канкрин генерал-губернатору, предложил обратить его собственное представление для исполнения в Олонецкое губернское правление, но при этом высказал сомнение – не будут ли предполагаемые генерал-губернатором меры «стеснительны для крестьян»? В результате С. И. Минацкий предложил Губернскому правлению предписать земским судам исполнить одобренное министрами его представление, а также подумать, какие ещё следует предпринять меры? Правление своими отношениями от 11 сентября и 26 октября 1829 г., во-первых, отдало соответствующее приказание земским судам, обязав их при этом доносить себе «по истечении каждой трети, сколько в каждом селении выучилось по-русски мужчин и женщин»; и, во-вторых, просило подумать о других возможных мерах Казённую палату, Духовную консисторию, Заводское правление и директора народных училищ Олонецкой губернии³.

Чуть позже генерал-губернатор подключил к обдумыванию этих мер и нового

³ НАРК. – Ф. 25. – Оп. 20. – Д. 78/906. – Л. 26–28.

олонецкого губернатора И. А. Яковлева, которому при своём предложении от 9 ноября 1829 г. передал 2 рапорта вице-губернатора Б. И. Пестеля, представленные к нему ещё 22 июля. В заключение генерал-губернатор просил губернатора высказать на них своё мнение, но советовал при этом предварительно снестись с епископом Игнатием и «стремиться к единой цели с кротостью и терпением», ожидая «присоединения раскольников к нашей Церкви». Рапорты эти, кажется, прежде никем из исследователей не взятые во внимание, представляют интерес не только приведёнными в них статистическими данными о числе раскольников, но и суждениями вице-губернатора. В них, в отличие от епископа Игнатия, Б. И. Пестель не предлагал вывести карельский язык из употребления. Его меры сводились к переселению окрестных к выгорецким старообрядческим монастырям крестьян на лучшую землю с дарованием им «для исправления» некоторых льгот или пособий, «чем и отдалить их от Выгорецкого общества и сблизить с людьми»¹.

Вскоре в Олонецкое губернское правление последовали и ответы на его запросы от 11 сентября и 26 октября. Так, в своём отношении от 21 ноября 1829 г. директор олонецких народных училищ М. И. Троицкий писал, что «для приведения в исполнение намерения правительства о содействии к распространению русского языка между карелами» он «не находит другого средства, как восполнение и умножение приходских училищ по многолюдности карельских приходов» на «точных правилах» Высочайше утверждённого устава учебных заведений от 8 декабря 1828 г., а епископу назначить в эти училища законоучителей. Этим, заключал он, и «исполнится цель правительства и распространится просвещение»². 29 ноября 1829 г. епископ Игнатий сообщил Губернскому правлению, что всем священникам под подписку объявлено, «дабы они исполнили сделанное Гражданским Правительством распоряжение»³. Дольше всех задержалось с ответом Петрозаводское заводское правление, обязанное своё мнение согласовывать со своим непосредственным начальником А. А. Фуллоном. В отношении к нему от 19 но-

ября 1821 г. Правление вначале прописало результаты проведённой переписи карелов в Петрозаводском уезде [6, с. 99–100], а затем пространно рассуждало, что «обучению карельских крестьян русскому языку более всего могут способствовать священники и училища приходские, кои, впрочем, не подлежат власти Заводского правления». При этом Правление выступило против того, чтобы запретить волостным головам и старшинам изъясняться на карельском языке, т. к. полагало, что это «неминуемо подаст повод к притеснениям, тем более опасным, что происходило бы в отдалённых и малонаселённых местах над людьми, которым по незнанию русского языка не столь удобно можно жалобы свои приносить начальству». Гораздо безопаснее было бы «только предлагать волостным головам и старшинам внушать при всяком удобном случае о пользе знания русского языка» и чтобы они «уговаривали бы посылать детей своих в приходские училища и убеждали бы всех по воскресным и праздничным дням ходить в храм Божий, где кроме христианского учения привыкали бы к наречию русскому». Но применить эти меры Заводское правление предполагало только в отношении одной Салменижской вотчины, где, по его сведениям, проживала большая часть карелов, незнающих русского языка. Поэтому только для них и следовало увеличить число приходских училищ, т. к. на 3 тысячи ревизских душ в вотчине их было всего 2. Что же касается «домоводства» крестьян этой вотчины, то заводские чиновники хоть и признавали, что они «не очень достаточны, но при всём при том они исправно исправляют все повинности и платят подати без доимок и вообще, можно сказать о всех приписных крестьянах, что при нынешнем увеличении платы за заводские уроки и представленным им во всех отношениях вольных заводских работ и снабжения заводов материалами, каждый трудолюбивый крестьянин легко может отыскать средство к исправлению состояния своего. Впрочем, замечена Преосвященным Игнатием бедность не в селениях приписных крестьян, но у крестьян ведомства Казённой палаты, живущих близ старообрядческих монастырей, где вовсе нет крестьян заводских»⁴ [6, с. 100].

Мы специально воспроизвели это донесение более полно, нежели это делалось до нас, чтобы показать, что только заводские чиновники посмели обратить внимание на

¹ НАРК. – Ф. 2. – Оп. 47. – Д. 2/1. – Л. 17–20. Правительство решило вопрос кардинально противоположно: в конце 1830-х гг. у этих старообрядческих монастырей были отобраны почти все земельные владения, а в 1-й половине 1850-х гг. они были разгромлены [6, с. 24].

² НАРК. – Ф. 25. – Оп. 20. – Д. 78/906. – Л. 6–7.

³ В этом деле можно увидеть и расписки благочинных о полученном епископском приказании. Там же. – Л. 5, 7–8.

⁴ НАРК. – Ф. 25. – Оп. 20. – Д. 78/906. – Л. 28–29; Ф. 37. – Оп. 5. – Д. 198/1878. – Л. 7–10.

потенциальную опасность реализации предложенных С. И. Минациким мер. Впрочем, только они и могли себе позволить это как чиновники, напрямую независимые от генерал-губернатора. А. А. Фуллон повторил эти предложения в своём рапорте министру финансов, который в своём ответе от 20 декабря 1829 г., соглашаясь с ними, заметил, что введение училищ не в его компетенции, но об этом он представил министру внутренних дел. В ходе завязавшейся переписки между министрами выяснилось, что и министр народного просвещения не может сделать распоряжение об увеличении числа приходских училищ в селениях приписных крестьян, т. к. по Уставу учебных заведений 1828 г. эти училища должны были содержаться за счёт городских и сельских обществ. Хотя в своём предложении от 28 февраля 1830 г. Е. Ф. Канкрин и советовал А. А. Фуллону «уговорить» крестьян открыть училища, но нетрудно предугадать, чем закончилась эта переписка – в своём донесении от 24 мая 1830 г. Заводское правление сообщило Фуллону, что крестьяне Салменижской вотчины отказались от их открытия по своей «недостаточности», но обязались учить русскому языку своих детей дома¹. Впрочем, эта переписка шла без участия С. И. Минацкого, который уже с конца 1829 г. был отвлечен разразившимся в Архангельске коррупционным скандалом, вскоре прервавшим его служебную карьеру.

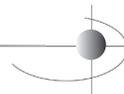
Таким образом, исследовав деятельность генерал-губернатора С. И. Минацкого в отношении старообрядцев в Олонецкой губернии при Николае I, мы можем заключить, что она всецело определялась правительственным курсом, проводимым правительством в 1-е пятилетие этого царства-

ния. Курс же этот ещё не предполагал в их отношении репрессивных действий. Даже сенатор Д. О. Баранов, поразившийся масштабам распространения раскола среди жителей губернии, предложил исключительно мирные и рассчитанные на долгую перспективу меры борьбы с этим явлением. Реализация этих мер была возложена на местные светские (во главе с генерал-губернатором С. И. Минациким) и духовные (во главе с епископом Игнатием) власти. Из-за конфликта с олонецким губернатором П. А. Лачиновым генерал-губернатор совершенно проигнорировал его «соображения», а вскоре добился и его отставки. В начале 1829 г. у олонецкого епископа Игнатия возникла идея начать кампанию по выведению карельского языка из употребления, которую активно поддержал генерал-губернатор. Оба вышли с представлением об этом в Синод и МВД. Однако способы, как достигнуть этого, предложенные генерал-губернатором, имели ещё одну тайную цель – опорочить деятельность начальника Олонецких горных заводов А. А. Фуллона. Сама же инициатива в правительственных кругах не только никого не удивила, а, наоборот, даже была поддержана. В этом отношении карельскому языку не повезло особенно, т. к. с лёгкой руки епископа Игнатия он стал считаться «языком раскола». Лишь министр внутренних дел и горные чиновники задумались о возможных негативных последствиях реализации этой меры. Впрочем, приказание генерал-губернатора было исполнено чисто бюрократическим способом. Как будут органы крестьянского самоуправления каждую треть подсчитывать выучивших русский язык карелов и будут ли вообще это делать, об этом никто не задумывался.

Список литературы

1. Вышленкова Е. А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М.: Новое лит. обозрение, 2011. 384 с.
2. Жуковская Т. Н. Николай I и поиски национальной идеологии // Вопросы истории Европейского Севера. Сб. научн. ст. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 86–96.
3. Кабузан В. М. Народы России в 1-й пол. XIX в.: численность и этнический состав. М.: Наука, 1992. 216 с.
4. Мельников Ф. Е. Собрание сочинений. Т. 1. Краткая история древнеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул: Изд-во Фонда поддержки строительства храма Покрова Пресвятыя Богородицы Рус. Правосл. Старообр. Церкви, 2006. 556 с.
5. Олонецкая епархия: Страницы истории / Петрозаводская и Карельская епархия. Нац. Архив РК. Петрозаводск, 2001. 256 с.
6. Пашков А. М. Карельские просветители и краеведы XIX – начала XX века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 446 с.
7. Пулькин М. В. Карельский язык в деятельности органов государственной власти и крестьянского самоуправления в XVIII – начала XX века // Бубриховские чтения: Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры. Сб. науч. ст. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. С. 285–301.

¹ НАРК. – Ф. 37. – Оп. 20. – Д. 198/1878. – Л. 19–23; Ф. 25. – Оп. 20. – Д. 78/906. – Л. 30–32.

8. Пулькин М. В. Три облика русификации в Карелии // Вестн. Евразии. Независимый журнал. М., 2005. № 3(29). С. 107–125.
9. Пулькин М. В. Православие приход и власть в середине XVIII – начале XX в. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 423 с.
10. Ружинская И. Н. Старообрядчество Олонецкой губернии в конце XVIII – сер. XIX в.: численность, расселение и состав: дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2002. 184 с.
11. Чернякова И. А. Проблема карельского языка в политике церкви в Олонецкой губернии в XIX в. // Православие в Карелии: материалы III Регион. научн. конф., посвящ. 780-летию крещения карелов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. С. 96–113.

References

1. Vyshlenkova E. A. Vizual'noe narodovedenie imperii, ili «Uvidet' russkogo dano ne kazhdomu». M.: Novoe lit. obozrenie, 2011. 384 с.
2. Zhukovskaja T. N. Nikolaj I i poiski nacional'noj ideologii // Voprosy istorii Evropejskogo Severa. Sb. nauchn. st. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2007. S. 86–96.
3. Kabuzan V. M. Narody Rossii v 1-j pol. XIX v.: chislennost' i jetnicheskij sostav. M.: Nauka, 1992. 216 s.
4. Mel'nikov F. E. Sobraenie sochinenij. T. 1. Kratkaja istorija drevnepравoslavnoj (staroobryadcheskoj) cerkvi. Barnaul: Izd-vo Fonda podderzhki stroitel'stva hrama Pokrova Presvjatyja Bogorodicy Rus. Pravosl. Staroobr. Cerkvi, 2006. 556 s.
5. Oloneckaja eparhija: Stranicy istorii / Petrozavodskaja i Karel'skaja eparhija. Nac. Arhiv RK. Petrozavodsk, 2001. 256 s.
6. Pashkov A. M. Karel'skie prosvetiteli i kraevedy XIX – nachala XX veka. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2010. 446 s.
7. Pul'kin M. V. Karel'skij jazyk v dejatel'nosti organov gosudarstvennoj vlasti i krest'janskogo samoupravlenija v XVIII – nachala XX veka // Bubrihovskie chtenija: Problemy pribaltijsko-finskoj filologii i kul'tury. Sb. nauch. st. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2002. С. 285–301.
8. Pul'kin M. V. Tri oblika rusifikacii v Karelii // Vestn. Evrazii. Nezavisimyj zhurnal. M., 2005. № 3(29). С. 107–125.
9. Pul'kin M. V. Pravoslavie prihod i vlast' v seredine XVIII – nachale XX v. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2009. 423 s.
10. Ruzhinskaja I. N. Staroobryadchestvo Oloneckoj gubernii v konce XVIII – ser. XIX v.: chislennost', rasselenie i sostav: dis. ... kand. ist. nauk. Petrozavodsk, 2002. 184 с.
11. Chernjakova I. A. Problema karel'skogo jazyka v politike cerkvi v Oloneckoj gubernii v XIX v. // Pravoslavie v Karelii: materialy III Region. nauchn. konf., posvjashh. 780-letiju kreshhenija karelov. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2008. S. 96–113.

Библиографическое описание статьи

Ефимова В. В. Генерал-губернатор С. И. Миницкий и старообрядцы Олонецкой губернии (1825–1830) // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11, № 4. С. 50–59.

Reference to the article

Efimova V. V. General-Governor S. I. Minsky and Old Believers of Olonets Governorate (1825–1830) // Humanitarian Vector. Series History. Political Science. 2016. Vol. 11, No 4. P. 50–59.

Статья поступила в редакцию 25.12.15